

**ИНСТИТУТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
(ИЗ ИСТОРИИ И В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

Людмила Норайровна Будагова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
заведующая Отделом славянских литератур,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: ist.slav.lit_inslav@mail.ru

Аннотация

В статье представлен краткий очерк истории Института славяноведения Российской академии наук. Основное внимание уделено обстоятельствам, способствовавшим его учреждению в 1946–1947 гг. в рамках Академии наук СССР и исследованиям, которые вели представители первого поколения сотрудников Института, участники Великой Отечественной войны. Освещается в статье и текущая деятельность Института славяноведения.

Ключевые слова

Институт славяноведения Российской академии наук, страны Центральной и Юго-Восточной Европы, история, литературоведение, языкознание, культура

Статья поступила в редакцию 22 сентября 2021 г.

Цитирование: *Будагова Л. Н.* Институт победителей (Из истории и в честь юбилея Института славяноведения Российской академии наук) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 333–343. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.18>

**THE INSTITUTE OF VICTORS
(FROM THE HISTORY AND IN HONOUR
OF THE ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)**

Ljudmila N. Budagova

D. Sc., Lead Researcher,
Head of Department for Slavic literatures,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32 A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: ist.slav.lit_inslav@mail.ru

Abstract

This article is a short study of the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The main focus is both on the circumstances which contributed to its establishment within the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1946 and 1947 and on the scientific activity of the representatives of the first generation of members of the Institute who were the veterans of the Great Patriotic War. The article also throws light upon the current activity of the Institute of Slavic Studies.

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, countries of Central and South-Eastern Europe, history, literary studies, linguistics, culture

Received 22 September 2021

How to cite: Budagova, L. N., 2021. Institut pobeditelei (Iz istorii i v chest' iubileia Instituta slavianovedeniia RAN) [The Institute of Victors (From the History and in Honour of the Anniversary of the Institute of Slavic Studies of RAS)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 333–343. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.18>

Институт славяноведения АН СССР возник сразу же после Великой Отечественной войны, в период, когда возродилось характерное для дореволюционной России внимание к славянским народам. Оно померкло после Октября 1917 г. с его ориентацией на пролетарский интернационализм и призывами к «пролетариям всех стран» соединяться. Вспомним В. В. Маяковского, провозгласившего: «Не тратьте слова на братство славян. Братство рабочих и никаких прочих». Свою роковую роль в разрушении славяноведческих традиций в нашей стране сыграли и политические репрессии 1930-х годов.

Исторические события, ход Второй мировой, ставшей для советских народов Великой Отечественной, всколыхнули чувства родства со славянами, показали, что принципы пролетарского интернационализма и «славянской взаимности», а точнее «взаимопомощи», не противоречат друг другу. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы, по преимуществу славянские, оккупированные фашистской Германией или вынужденно ставшие ее союзниками (что тоже было формой оккупации), часто оказывались местами военных действий, полями кровопролитных сражений частей Красной армии с дивизиями Третьего Рейха за освобождение народов от коричневой чумы.

В результате послевоенного передела мира, подготовленного еще до победы лидерами СССР, Англии и США, страны ЦЮВЕ, то есть в основном славянские страны, оказываются в зоне советского влияния. И ход войны, и послевоенная ситуация прямо-таки требовали возрождения и развития в нашей стране славяноведения. В 1943 г. на филологическом факультете МГУ возникла кафедра славянской филологии под руководством профессора С. Б. Бернштейна. За год до этого при Президиуме Академии наук была создана Славянская комиссия, которую возглавил академик Н. С. Держа-

вин. В 1946 г. вышло постановление Совета министров СССР о создании Института славяноведения, начавшего свою научную деятельность 1 января 1947 г. Важно было утверждать союз и братство со славянскими народами не на словах, а на деле, изучая и популяризируя их историю, культуру, литературу, языки, пробуждая к ним интерес в своей стране и в мире, распространяя полученные знания по всему свету. Этим целям вполне соответствовали создание и задачи нового академического Института, первым директором которого с 1946 по 1951 гг. был академик Б. Д. Греков.

Не претендуя даже на схематическое изложение плодотворной деятельности нового научного центра, продолжающейся и по сей день с перспективами на будущее, хотелось бы остановиться на некоторых его началах, а именно на пути ряда представителей первых поколений его сотрудников в избранную ими науку. Среди них было немало тех, кто начал этот путь уже на фронтах Великой Отечественной, освобождая славян и другие народы от немецко-фашистской оккупации. После демобилизации фронтовики везли домой не трофеи, а впечатления. Можно предположить, что именно победы в освобождении братьев-славян от германо-фашистского ига, от перспективы их физического уничтожения и превращения в отбросы человечества пробудили у некоторых участников войны интерес к славяноведению. Победители оказывались отнюдь не захватчиками, в которых их превращает современная политическая конъюнктура в ходе переоценок итогов Второй мировой (как, впрочем, и невинные жертвы установленных властями в этих странах режимов), а защитниками, исследователями, популяризаторами истории и культуры освобожденных ими народов.

По данным «Биобиблиографического словаря»¹ в числе сотрудников Института славяноведения было более трех десятков участников Великой Отечественной войны. Среди них — Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990), организатор науки и специалист по истории западных и южных славян; Иван Константинович Горский (1921–2011), исследователь польской литературы; Виктор Петрович Грачев (1926–2010), специалист по средневековой и новой истории южных славян; Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995), занимавшийся как польской проблематикой, так и методологией славяноведения; Владимир Михайлович Зайцев (1924–2010), специалист по проблемам польского национально-освободительного движения в XIX веке; Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998), историк народов бывшей Югославии, в основном сербов и хорватов; Виталий Иванович Злыднев (1919–1999), специалист по истории болгарской литературы и славянских культур; Лев Сергеевич Кишкин (1918–2000), исследователь чешской и словацкой литератур и межславянских культурных связей; Александр Харитонович Клеванский (1921–1985), историк Чехословакии первой половины XX в.; Василий Дмитриевич Конобеев (1916–1978), занимавший-

¹ Сотрудники института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индик, 2012.

ся русско-болгарскими отношениями в XIX в.; Иван Иванович Костюшко (1919–2018), участвовавший в Великой Отечественной в составе Красной армии и Войска Польского и ставший специалистом по широкому кругу социально-политических проблем истории Польши XIX–XX вв.; Александр Яковлевич Манусевич (1913–1987), изучавший историю Польши и деятельность зарубежных славян — участников Октябрьской революции; Илья Соломонович Миллер (1919–1978), историк польского и русского общественных движений и проблем перехода от феодализма к капитализму в восточноевропейском регионе; Александр Иванович Недорезов (1919–2001), исследователь новейшей истории Чехословакии и советско-чехословацких отношений; Сергей Иванович Прасолов (1918–1984), историк и дипломат, специалист по чехословацкой международной политике; Григорий Моисеевич Славин (1917–1994), исследователь новейшей истории Польши и Югославии; Борис Федорович Стахеев (1924–1993), специалист по польскому романтизму; Никита Ильич Толстой (1923–1996), историк и теоретик славянских литературных языков, автор многочисленных работ по славянской диалектологии и этнолингвистике, член семьи потомков Л. Н. Толстого, эмигрировавших после Октября 1917 г. в Сербию, югославский партизан, добровольцем вступивший в Красную армию; Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003), исследователь борьбы болгарского народа против османского ига; Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004), историк Хорватии и региона Центральной и Юго-Восточной Европы; Игорь Михайлович Шептунов (1918–1978), изучавший болгарский фольклор. Директорами Института в разное время становились тоже участники Великой Отечественной: Петр Николаевич Третьяков (1906–1976), археолог, много занимавшийся раскопками поселений древних славян, финнов и балтов; Иван Иванович Удальцов (1918–1995), воевавший в составе 1-го Чехословацкого армейского корпуса, созданного в СССР, исследователь новой и новейшей истории Чехословакии; Иван Александрович Хренов (1906–1975), специалист по советско-польским отношениям. В большинстве вышеупомянутых статей, которые далеко не исчерпывают список сотрудников Института, участников Великой Отечественной, указано, что они имеют боевые награды. О полученных ими ранах и увечьях не сказано ничего.

Словарь не дает сведений, какие славянские страны освобождали их будущие исследователи и всегда ли участие в освобождении той или иной из них определяло и научную специализацию бывшего фронтовика. Обращает на себя внимание многочисленность будущих полонистов. Скорее всего, это обусловлено не всегда и не столько местами сражений, сколько тесными связями Царской и Советской России с историей Речи Посполитой. Здесь и участие России в трех разделах Польши в XVIII в., и антирусские восстания поляков 1830–1831 и 1863 гг. под лозунгом «за нашу и вашу свободу», и многое другое. Отсюда — стремление разобраться в польско-русских отношениях: в деятельности «пленника национальной идеи»

Юзефа Пилсудского, отстаившего независимость своей родины, одержав победу в польско-советской войне 1919–1920 гг., Феликса Эдмундовича Дзержинского, безоговорочного сторонника Октябрьской революции и советской власти; отсюда и готовность осветить участие поляков в рабочих и других общественных движениях, и многое другое.

Однако среди представителей первых поколений сотрудников Института, бывших фронтовиков, есть и примеры непосредственного влияния на выбор специализации тех мест, где они воевали, откуда вынесли свои впечатления и переживания.

Хотелось бы в качестве примеров обратиться к судьбам литературоведов В. И. Злыднева и Л. С. Кишкина.

Известно, что Виталий Иванович Злыднев занимал в каком-то австрийском городке должность военного коменданта. В связи с одной из годовщин Победы, а эти праздники всегда отмечались в нашем Институте поздравлениями участников войны, автор этих строк, позаимствовав кое-что у Грибоедова, разразился в честь В. И. Злыднева такими заздравными виршами: «Виталь Иваныч, наш единственный, бесценный / Теперь в отставке, был военный / С боями он до Австрии дошел / В одном из городков там был он комендантом / Пленил всех красотой, выправкой, талантом // Теперь Культурой он руководит / Всегда при галстукe, причесан и побрит / Гуманно он и справедливо правит / Наш Институт ему всего хорошего желает».

Однако до Австрии он шел, освобождая другие страны, в том числе Болгарию, которой и посвятил свою жизнь. А ведь мог бы заниматься и Австрией, Венгрией, Румынией, окончив еще до войны филологический факультет МИФЛИ (Московского института истории, философии и литературы). Однако Наталия Витальевна Злыднева рассказывала, как потрясла ее отца славянская страна на Балканах, какое сильное воздействие оказала на него и как вспоминал он, что в одном болгарском селе простые крестьяне читали Льва Толстого.

На творческую судьбу Л. С. Кишкина повлияла Прага, где он оказался во время окончания войны. Он часто вспоминал пражские улицы и площади, особенно находящуюся в центре города небольшую площадь Йозефа Юнгмана (1773–1847) с памятником поэту и филологу, видному деятелю чешского национального возрождения. Возможно, именно пребывание в стобашенной Праге стало для Льва Сергеевича началом пути к исследованиям чешской и словацкой литератур и чехословацко-русских культурных связей.

Не беру на себя смелость судить, насколько сохранили свое значение работы послевоенных славяноведов, когда гуманитарная наука была под колпаком марксизма, который сейчас мало кто идеализирует, хотя игнорирование его тоже ведет к ограничению кругозора. Однако первопроходцы послевоенного славяноведения в нашей стране были в основном (при некотором количестве ястребов-догматиков) серьезными исследователями, чья

творческая одаренность оказывалась сильнее официальных требований, помогая вместо «борьбы с буржуазной идеологией» и «ревизионизмом» заниматься фундаментальными исследованиями. Этому, кстати, содействовала и сама довольно свободная атмосфера в нашем Институте, демократизм и широта взглядов его руководителей. В то время как в Чехословакии, к примеру, объектом гонения стал структурализм, в нашем Институте спокойно работал Сектор структурной лингвистики, принимавший участие в деятельности и публикациях московско-тартуской школы Ю. М. Лотмана. Нераскалявшиеся подписанты протестов против суда над Даниэлем и Синявским не были уволены из Института (его добровольно покинул лишь один молодой сотрудник, уехавший в Израиль), а могли продолжать свои исследования, войдя в период «перестройки» с большими научными достижениями.

Оставляя в стороне историков и лингвистов, скажу лишь о литературоведах. Родимые пятна идеологизированного периода в развитии гуманитарных наук бесспорно проступали в их работах. Критерием прогрессивности и ценности творчества того или иного писателя была степень его близости к революционным движениям и взглядам. Процветала идеализация реализма и соцреализма, ниспровергались, как формалистические, модернистские и авангардные течения. Правда, все это было до поры до времени, изменивших эту ситуацию. Славистическое литературоведение развивалось вместе с творческим ростом его представителей, с потеплением политического климата в стране проникаясь свободомыслием, стараясь непредвзято исследовать самые разные, в том числе запретные или игнорируемые явления и факты. Свой вклад в этот процесс внесли и бывшие фронтовики. О научных инициативах некоторых из них хотелось бы сказать подробнее.

По возвращении к мирной жизни Б. Ф. Стахеев, решив заниматься польской литературой, выбрал объектом изучения творчество Адама Мицкевича (1798–1855), основоположника польского романтизма, ярчайшего явления национальной культуры, однако не получившего столь высокого мирового признания, как польский реализм. Представители последнего, Генрик Сенкевич и Владислав Реймонт, прославились раньше Мицкевича, стали первыми славянскими лауреатами Нобелевской премии, еще не замутненной вмешательством политики в ее присуждение. Правда, Адам Мицкевич не мог претендовать на нее, так как скончался задолго до ее основания (1901 г.). Но как бы то ни было, советские исследователи польской литературы занимались в основном творчеством реалистов. Б. Ф. Стахеев стал смело нарушать эту традицию. Его дипломная работа на филологическом факультете МГУ, посвященная основанной на автобиографических моментах третьей части поэмы Мицкевича «Дзяды», была опубликована в «Ученых записках» Института славяноведения². Он продолжил разработку той

² Стахеев Б. Ф. Третья часть «Дзядов» Мицкевича // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1954. Т. 8. С. 234–320.

же темы в кандидатской диссертации «Третья часть “Дзядов” Адама Мицкевича» (1959). Но еще прежде увидела свет его небольшая монография «Мицкевич и прогрессивная русская общественность» (1955)³. Расширяя со временем проблематику работ, охватывающих и другие явления польской литературы, Б. Ф. Стахеев уже в начале своей деятельности устранил все препоны на пути к российским исследованиям польского романтизма, став лидером этого процесса.

И еще об одном факте участия бывших фронтовиков в раскрепощении нашего славяноведения, в борьбе за его свободомыслие хотелось бы упомянуть. Я имею в виду заслуги Ивана Константиновича Горского, несколько отклонившегося от своего магистрального пути исследователя польской исторической прозы и обратившегося к своего рода апологии основоположника исторической поэтики, Александра Николаевича Веселовского (1838–1906). Помню, сколько сомнений и опасений вызывала рукопись монографии И. К. Горского «Александр Веселовский и современность», все же опубликованная после долгих колебаний в 1975 г. (Автору этих строк пришлось защищать ее в качестве внутреннего рецензента). Более поздние работы И. К. Горского на ту же тему публиковались уже без особых проблем: «Историческая поэтика в ее соотношении с другими историческими дисциплинами», «О Сенкевиче и Веселовском» (польск. *O Sienkiewiczu i Wieśolowskim*)⁴.

Жизнедеятельность института обеспечивали своими трудами представители как первых поколений его сотрудников, побывавшие и не побывавшие на фронте, так и поколений последующих. Можно сказать, что наше «учреждение» на протяжении всей своей истории функционирует как институт, сотрудникам которого и в мирное время пришлось одерживать разного рода победы. Начнем с важных, но не главных.

Например, институту удалось сохранить свою комплексность, плодотворное сосуществование славистов разного профиля, вопреки неоднократным попыткам (последняя была относительно недавно, уже в XXI веке) «растачить» его историков, лингвистов, литературоведов по разным научным учреждениям. Одних направить в Институт всеобщей истории, других в ИМЛИ, третьих в Институт языкознания. Были организованы письма протеста против этого, два из которых, одно коллективное, а другое от двух академиков РАН, пришли из Объединенного института ядерных исследований в Дубне, многонациональный контингент которого состоит в основном

³ Стахеев Б. Ф. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955.

⁴ Горский И. К. Историческая поэтика в ее соотношении с другими литературоведческими дисциплинами // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / ред. М. Б. Храпченко, Г. П. Бердников, Н. К. Гей, С. Г. Бочаров, И. Ю. Подгаецкая. М.: Наука, 1986. С. 128–152; *Gorski I. O Sienkiewiczu i Wieśolowskim. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.*

из представителей славянских стран, заинтересованных в комплексном изучении и популяризации их культуры.

Кроме того, наш Институт сумел защитить свою «жилплощадь» в здании на Ленинском проспекте, 32А, от рэкетирских замашек пресловутого ФАНО, требовавшего от нас в ультимативной форме переезда в облупленные строения с протекающими крышами, да к тому же несвободные от размещенных там контор. Потребовалось много времени и сил, чтобы победа осталась за нами. Теперь вместо ФАНО появилось Министерство науки и высшего образования. Однако давление на науку чиновничьей бюрократии, расплывшейся и лишь набирающей силу в результате так называемых реформ 2013 г., осталось, и приходится только ждать, какие сюрпризы еще преподнесет она научным работникам.

Вопреки всем трудностям Российская академия наук как была, так и осталась центром притяжения отечественных и зарубежных ученых. Основные же наши победы — это научные достижения, создание уникальных трудов, выводящих славяноведение из тени других гуманитарных направлений: публикация монографий, сборников, статей разного калибра и характера. Не погружаясь в библиографию и в книжные шкафы, назову лишь несколько работ, что приходят на ум. Среди них — этнолингвистический словарь «Славянская мифология»⁵; трехтомная «История литератур западных и южных славян»⁶, выдвигавшаяся на соискание Государственной премии России; сборник статей «1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива»⁷; «Лексикон южнославянских литератур»⁸; «Роль России в распространении знаний о славянстве»⁹; коллективная монография «Чехословакия и Советская Россия на обломках империй»¹⁰.

К 60-летию Института славяноведения был выпущен сборник «Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения»¹¹. Его значение и суть, а заодно значение и суть нашей научной деятельности прекрасно показала одна из зарубежных рецензий: «В статьях авторов книги речь идет о живом воссоздании личных и профессиональных судеб интел-

⁵ Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995; Славянская мифология: энциклопедический словарь. Изд. 2-е, исправленное и дополненное / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.

⁶ История литератур западных и южных славян. В 3 т. / ред. Л. Н. Будагова, А. В. Липатов, С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997–2001.

⁷ 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010.

⁸ Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012.

⁹ Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. <https://doi.org/10.31168/91922-081-7>.

¹⁰ Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН; ПОЛИМЕДИА, 2020. <https://doi.org/10.31168/0442-8>.

¹¹ Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / сост. и отв. ред. Е. П. Аксенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.

лектуалов, которые в тяжелых политических и экономических условиях находили выход из экзистенциального кризиса и моральную поддержку в своей научной деятельности. Разные по жанру и уровню тексты объединяет сквозной мотив восхищения и уважения, чувство истинной гордости за свой Институт, который на протяжении всей своей истории, пользуясь моральным авторитетом, давал не только скромные средства к существованию, но в первую очередь поддержку и радость творческих открытий в поисках нового и неизведанного»¹².

Пожелаем же нашему «Институту победителей», всем его сотрудникам разных поколений и подразделений, его руководству — директору, доктору исторических наук, профессору Константину Владимировичу Никифорову, заместителям директора — кандидату филологических наук Елене Семеновне Узенёвой и доктору исторических наук Ольге Владимировне Хавановой, ученому секретарю института, кандидату исторических наук Никите Сергеевичу Гусеву — доброго здоровья и новых побед в жизни и в науке.

Литература

1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010.

Горский И. К. Историческая поэтика в ее соотношении с другими литературоведческими дисциплинами // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / ред. М. Б. Храпченко, Г. П. Бердников, Н. К. Гей, С. Г. Бочаров, И. Ю. Подгаецкая. М.: Наука, 1986. С. 128–152.

История литератур западных и южных славян. В 3 т. / ред. Л. Н. Будагова, А. В. Липатов, С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997–2001.

Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / сост. и отв. ред. Е. П. Аксенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.

Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012.

Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. <https://doi.org/10.31168/91922-081-7>.

Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995.

Славянская мифология: энциклопедический словарь. Издание 2-е, исправленное и дополненное / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.

Сотрудники института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012.

Стахеев Б. Ф. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955.

Стахеев Б. Ф. Третья часть «Дзядов» Мицкевича // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1954. Т. 8. С. 234–320.

¹² Zelenka M. Memoáry jako příspěvek k dějinám slasvistiky v Rusku // Slavica litteraria. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2009. Roč. 12. Č. 1. S. 167–169.

- Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН; ПОЛИМЕДИА, 2020. <https://doi.org/10.31168/0442-8>.
- Gorski I. O Sienkiewiczu i Wieśolowskim. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.
- Zelenka M. Memoáry jako příspěvek k dějinám slasvistiky v Rusku // Slavica litteraria. X, Rada literárněvědné slavistiky. 2009. Roč. 12. Č. 1. S. 167–169.

References

- Aksenova, E. P., ed., 2007. *Kak eto bylo... Vospominaniia sotrudnikov Instituta slaviano-vedeniia* [How It Was... Reminiscences of the Members of the Institute of Slavic Studies]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Budagova, L. N., Lipatov, A. V., Nikol'skii, S. V., eds., 1997–2001. *Istoriia literatur zapadnykh i iuzhnykh slavian: v 3 t.* [History of Literatures of Western and Southern Slavs: in 3 volumes]. Moscow: Indrik.
- Gorski, I., 1986. *O Sienkiewiczu i Wieśolowskim*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Gorskii, I. K., 1986. Istoricheskaia poetika v ee sootnoshenii s drugimi literaturovedcheskimi distsiplinami [Historical Poetics and Its Correlation with Other Fields of Literary Studies]. In: Khrapchenko, M. B., Berdnikov, G. P., Gei, N. K., Bocharov, S. G., Podgaetskaia, I. Iu., eds., 1986. *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical Poetics. The Results and the Prospects of Study]. Moscow: Nauka, pp. 128–152.
- Il'ina, G. Ia., ed., 2012. *Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur* [Lexicon of South Slavic Literatures]. Moscow: Indrik.
- Murashko, G. P., ed., 2010. *1968 god. "Prazhskaia vesna". Istoricheskaia retrospektiva* [The Year 1968. The "Prague Spring". Historical Retrospective]. Moscow: ROSSPEN.
- Robinson, M. A., Goriainov, A. N., eds., 2012. *Sotrudniki instituta slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. Biobibliograficheskii slovar'* [The Members of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Indrik.
- Serapionova, E. P., ed., 2020. *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii* [Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; POLIMEDIA. <https://doi.org/10.31168/0442-8>.
- Sozina, Iu. A., ed., 2019. *Rol' Rossii v rasprostraneniі znaniі o slavianstve* [Russia's Role in Spreading Knowledge about Slavic World]. Moscow: Lingvistika. <https://doi.org/10.31168/91922-081-7>.
- Stakheev, B. F., 1955. *Mitskevich i progressivnaia russkaia obshchestvennost'* [Mickiewicz and the Progressive Russian Public]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury.
- Stakheev, B. F., 1954. Tret'ia chast' "Dziadov" Mitskevicha [The Third Part of Mickiewicz's "Dziady"]. *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, VIII, pp. 234–320.
- Tolstaia, S. M., ed., 1995. *Slavianskaia mifologiia: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Ellis Lak.

- Tolstaia, S. M., ed., 2002. *Slavianskaia mifologiiia: entsiklopedicheskii slovar'*. *Izдание 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe* [Slavic Mythology: Encyclopaedic Dictionary. Second edition, corrected and supplemented]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Zelenka, M., 2009. Memoáry jako příspěvek k dějinám slasvistiky v Rusku. *Slavica litteraria. X, Řada literárněvědné slavistiky*, 12 (1), pp. 167–169.